

В будние дни, когда выдавалась свободная минута, Линь Цинтянь тоже любил побродить по сети, полистать новости, «поесть дыню» — обсудить свежие сплетни.

Интернет каждый день кипел новостями: из шоу-бизнеса, из спортивного мира, из жизни обычных людей...

И почти всегда Линь Цинтянь оставался всего лишь сторонним наблюдателем.

Он знал, какую боль причиняют людям слухи и травля, когда их имя становится мишенью. Поэтому заранее приготовился к тому, что Линь Сюэцэ и У Гуй окажутся под шквальным огнём общественного осуждения.

Но он и представить не мог, что этот огонь в конце концов обрушится на него самого.

Лишь став непосредственным участником событий, Линь Цинтянь по-настоящему ощутил, насколько пугающей может быть сила общественного мнения.

Гораздо страшнее, чем он себе воображал.

Пока он разговаривал с Ху Лэем, в сети продолжали появляться новые «разоблачения». Теперь уже начали вытаскивать на свет его бывших подруг...

Наблюдая, как его личная жизнь слой за слоем раздирается на всеобщее обозрение, как на него сыплются бесконечные насмешки и ядовитые комментарии, Линь Цинтянь сжал кулаки. Несколько секунд он боролся с собой — и наконец принял решение.

Убрав телефон, он уже собирался спуститься вниз, но прямо на лестнице столкнулся с родителями, поднимающимися ему навстречу.

— Папа, мама, вы зачем поднялись? — удивлённо спросил он.

Лицо Чжэн Мэйлин было мрачным, как никогда прежде.

— Что ты натворил? Гости сидят и перешёптываются!

После того как У Гуй перетянул на себя всё внимание, где бы ни появлялись Линь Гохуа и Чжэн Мэйлин, вокруг неизменно раздавался шёпот.

Тогда им казалось, что эти перешёптывания раздражающе режут слух, выводят из себя.

Но когда события приняли ещё более серьёзный оборот, весь банкет вдруг погрузился в странную, неестественную тишину.

Только негромкая фоновая музыка продолжала звучать, а разговоры становились всё тише, тише... пока не исчезли вовсе.

Почти все гости опустили головы, уткнувшись в экраны телефонов и читая новости.

Не только молодёжь — даже седовласые старики и старушки лет шестидесяти-семидесяти достали очки и сосредоточенно листали ленты.

Некоторые, желая что-то сказать, лишь переглядывались с соседями и начинали переписываться, печатая сообщения вместо того, чтобы говорить вслух.

Шумный, оживлённый праздник постепенно превратился в холодную, почти траурную трапезу.

Тот, кто знал, что это банкет в честь Дня рождения, ещё понимал, что происходит. А со стороны можно было решить, будто это поминальный обед.

Линь Гохуа тоже не выдержал:

— Я заранее договорился с журналистами и редакциями. Всё было решено: я раздам им «красные конверты», а они напишут помягче. Но только что, не пойми почему, все вдруг передумали. Один за другим вернули мне деньги — и с таким видом, будто рады посмотреть, как всё разгорится...

Линь Цинтянь ясно понял: то, что происходило в интернете, снова прорвалось в реальность.

Между сетью и реальным миром всегда есть небольшая задержка. Но хорошая новость редко выходит за порог, а плохая разлетается на тысячи ли. Те, кто сидел за столами, уже явно не думали о празднике — все ушли в онлайн, наблюдая за очередным скандалом.

От этой мысли в груди Линь Цинтяня мгновенно вспыхнуло чувство опасности.

Сейчас все заняты сплетнями и ещё не успели осмыслить происходящее.

Но когда они дочитают новости — что, если кто-то из гостей тоже выйдет в сеть и начнёт «сливать» подробности сегодняшнего вечера?..

У Гуй только что объявил Линь Сюэцэ своим наследником, а следом в топах вспыхнули чёрные тренды о Линь Сюэцэ. Кто стоял за этим — даже говорить не нужно...

От одной этой мысли по спине Линь Цинтяня пробежал холодок. Впервые он по-настоящему ощутил, насколько опасно играть с общественным мнением.

Вода может нести лодку, но может и перевернуть её. Он полагал, что способен управлять волнами — а в итоге оказался поглощён бурей, которую поднял.

Линь Цинтянь посмотрел на Линь Гохуа и Чжэн Мэйлин и горько усмехнулся. Затем, не скрывая ничего, подробно рассказал обо всём, что только что произошло.

Когда он закончил, родители стояли ошеломлённые.

Они были людьми среднего возраста, но прежде всего — успешными предпринимателями, прекрасно понимающими цену общественного мнения.

Если уж обычные люди боятся подобной волны слухов, то что говорить о них — о тех, кто годами холил и лелеял свою репутацию!

Восемнадцать лет они растили Линь Сюэцэ как «ложного сына». И все эти годы ни разу по-настоящему не были к нему добры.

Однако в глазах окружающих именно Линь Сюэцэ считался избалованным, капризным, бездарным учеником, заносчивым и высокомерным юнцом. Ни единого упрёка в адрес Линь Гохуа и Чжэн Мэйлин никто никогда не произносил.

Образ, который они так тщательно выстраивали долгие годы, — неужели разрушился всего за один-единственный день?!

Линь Гохуа побледнел от злости, словно вот-вот готов был выплюнуть кровь:

— Сегодня... сегодня же мой юбилей! Пятьдесят лет! А ты... они... Цинтянь, как ты действуешь? Если не справляешься — так не берись! Теперь всё довёл до такого, что нам с матерью приходится разгребать за тобой! Тебе не стыдно? Ты хоть понимаешь, что подставил нас?!

Чжэн Мэйлин дрожала от ярости, её руки мелко тряслись.

Как женщина, как предпринимательница, она всегда придавала огромное значение своему общественному облику.

И кто бы мог подумать, что в зрелом возрасте ей придётся столкнуться с подобным унижением?

Для Чжэн Мэйлин, привыкшей держаться высоко и смотреть на других свысока, это было почти как гибель под лавиной.

Линь Цинтянь закрыл глаза и глухо произнёс:

— Папа, мама, сейчас уже поздно выяснять, кто виноват. Пользователи сети начали копать историю с «настоящим и подменённым сыном». Нам нужно срочно минимизировать ущерб. Когда вы привезли Линь Сюэцэ в дом, вы ничего... не упустили? Не осталось никаких следов?

Чжэн Мэйлин всё-таки была главой семьи. Сделав несколько глубоких вдохов, она заставила голос перестать дрожать и медленно ответила:

— Не думаю. Господин Цзинпинь многократно предупреждал меня быть предельно осторожной. Тогда я уничтожила всё, что только могла счесть доказательством. А потом ещё заплатила крупную сумму, чтобы он провёл расчёты.

— Мастер Цзинпинь сказал: если только сам Король Призраков не явится лично, иначе никто не сможет раскрыть эту тайну. Мы сможем скрыть всё намертво.

— За эти годы, если вы сами не проговорились, никаких улик у них не будет.

Господин Цзинпинь считался выдающимся и уважаемым человеком своего времени, человеком с настоящими способностями.

Его словам доверяли безоговорочно.

А фраза про «пришествие Короля Призраков» звучала примерно как «Будда явится и покарает злодея» — просто образное выражение. Никто не воспринимал это всерьёз.

Выслушав её, Линь Цинтянь заметно расслабился.

— Тогда отлично. Нужно срочно выпустить официальное заявление, всё разъяснить, записать

видео с извинениями. Скажем, что вы не знали, что Линь Сюэцэ — не родной сын, что вы сами стали жертвами обмана.

Линь Гохуа нахмурился:

— И всё? Только это? А остальное? Сегодня же мой юбилей!

Сейчас же весь интернет смеётся над Линь Сюэцэ.

У Гуй и Линь Сюэцэ ведь должны были прийти на банкет гордыми, самоуверенными, а уйти — опозоренными, с опущенными головами и слезами на глазах... разве не так?

Где всё это, что было обещано? Ни одно слово не сбылось!

Линь Гохуа так разозлился, что лицо его налилось багрово-лиловым, словно переспевшая свиная печень.

Но сейчас Линь Цинтяню и Чжэн Мэйлин уже было не до него.

— Банкет... нужно как можно скорее завершить, — глухо произнёс Линь Цинтянь. — И с извинениями тянуть нельзя. Чем раньше опубликуем заявление, тем лучше...

Чжэн Мэйлин долго стояла с каменным лицом, погружённая в тяжёлое молчание. Наконец она взяла Линь Гохуа под руку, развернулась и повела его вниз — объявить о досрочном завершении торжества.

Сегодня исполнялось пятьдесят лет Линь Гохуа. И именно в этот день Линь Цинтянь, достигнув совершеннолетия, официально возвращался в семью Линь.

К этому дню они готовились целый год. Тщательно планировали, продумывали каждую деталь, месяцами вкладывали силы и деньги.

А в итоге...

Вместо того чтобы блистать и пожинать восхищение, они стали посмешищем всей страны.

Когда объявляли о завершении банкета, члены семьи Линь даже не осмелились выйти к гостям. Они поручили ведущему произнести заключительные слова, и столь помпезное, шумное празднество оборвалось наспех и бесцветно.

Гости как раз дочитали все сплетни в сети и уже ждали, что хозяева появятся. Но семья Линь предпочла скрыться.

В сердцах многие были недовольны, однако, раз уж им намекнули на уход, ничего не оставалось, кроме как разъехаться. И лишь выйдя за ворота особняка Линь, они смогли наконец вдоволь обсудить увиденное.

Линь Сюэцэ и У Гуй тоже поднялись и направились к выходу вместе.

Когда они пришли, из-за слухов о «содержанце» на них и так сыпались взгляды со всех сторон.

А теперь, на выходе, внимание стало ещё более навязчивым — кто-то даже направлял телефон на Линь Сюэцэ, явно снимая исподтишка.

Проходя мимо одной пожилой женщины, Линь Сюэцэ услышал, как та, глядя на его молодое, красивое лицо, с влажными глазами пробормотала:

— Бедный... бедный ребёнок. До таких лет дожить — и целым остаться, руки-ноги на месте... нелегко ему пришлось...

Линь Сюэцэ не знал, смеяться ему или плакать.

На самом деле, в детстве те события врезались в память болезненно и ярко. Но с годами многое стёрлось.

Наверное, потому что это были не самые светлые воспоминания. Мозг сам защищается — вытесняет боль, оставляя лишь то, что приносит тепло.

И только сейчас, увидев то видео, Линь Сюэцэ словно снова оказался там, много лет назад, и внезапно ясно вспомнил, что чувствовал тогда.

Тот маленький Сюэцэ — без воспоминаний о прошлой жизни — был всего лишь ребёнком, который отчаянно хотел, чтобы мама обняла его, утешила.

Вот только этого объятия он так и не дождался. Ни в детстве, ни став взрослым.

И, наверное, уже никогда не дождётся.

Впрочем... теперь ему это и не нужно.

Он как раз подумал об этом, когда У Гуй внезапно перехватил его руку и крепко сжал пальцы, потянув за собой.

Линь Сюэцэ удивлённо повернул голову — и увидел, что У Гуй пристально смотрит в одну сторону, не сводя глаз с группы людей неподалёку.

Линь Сюэцэ проследил за взглядом У Гуя — и только тогда заметил, что тот смотрит на нескольких старост и активистов их курса.

В этот момент у тех были лица серые, как пепел.

За один-единственный банкет Линь Сюэцэ не просто стал официальным сыном У Гуя и наследником семьи У — он ещё и прославился в сети.

Длинный пост Чжун Цинлин привлёк к нему волну поклонников, влюблённых в его внешность; а видео от аккаунта «Это ZY, не CY» добавило ещё и армию «мамочек-фанаток».

Восемнадцать лет — самый расцвет юности, возраст, когда особенно легко покорить сердца девочек. К тому же он в прошлом был детской звездой, а теперь учился на актёрском факультете — фанатеть от него стало почти что делом официально одобряемым.

И чем ярче сияла слава вокруг Линь Сюэцэ, тем тяжелее становилось на душе у этих нескольких старост.

Не говоря уже о том, как они прежде изолировали его в группе... то самое издевательское нарезанное видео — ведь это именно они предоставили материалы.

Сейчас семью Линь в Weibo поливали грязью на каждом шагу. И, глядя на их падение, эти ребята вполне могли представить собственное будущее.

Когда Линь Сюэцэ посмотрел в их сторону, лица у них побелели окончательно. Они всерьёз испугались, что он подойдёт разбираться.

Но в следующую секунду Линь Сюэцэ спокойно отвёл взгляд и вместе с У Гуем покинул банкет, больше ни разу на них не оглянувшись.

По дороге домой У Гуй листал телефон и то и дело цокал языком.

Всего за несколько часов — а сколько всего произошло. Такие повороты, такие переплетения, будто сюжет с бесконечными выражами.

Не только Линь Сюэцэ — даже он сам был слегка оглушён происходящим.

Он ведь всего лишь хотел привести Линь Сюэцэ на банкет, перетянуть внимание на себя, немного уколоть семью Линь и выпустить пар.

Но после того как Линь Цинтянь купил «чёрные» тренды для Линь Сюэцэ, всё понеслось, как сорвавшаяся с привязи дикая лошадь — и окончательно вышло из-под контроля.

— Всё-таки я слишком скромный и сдержанный, — с притворным вздохом произнёс У Гуй. — Линь Цинтянь — как и положено главному герою романа. По сравнению с ним мне остаётся только устыдиться!

Он-то собирался всего лишь слегка подпортить семейству Линь настроение.

А Линь Цинтянь — родной сын Линь Гохуа и Чжэн Мэйлин, тот самый «гаремный» герой этой истории...

Стоило ему сделать ход — и молниеносно, всего за одно послеобеденное время, он вывел семью Линь на всенародную сцену и устроил им полноценную социальную смерть.